

ПОЛЬША: КОНЧИНА КОММУНИЗМА

В "восточном блоке" Польша всегда была чем-то вроде непослушного ребенка - и вот эту свою особенность она вновь продемонстрировала в 1989 г. Ее правящая партия - Польская объединенная рабочая партия, первой в Восточной Европе примирилась с неотвратимой эрозией своей власти и с уменьшением угрозы советского военного вмешательства, страх перед которым всегда служил последним решительным доводом в пользу сохранения этой власти. Посредством столь же драматического, сколь и беспрецедентного акта, партия отказалась от своей священной "руководящей роли" - иначе говоря, от монополии на власть - и согласилась, сперва де-факто, а затем и де-юре, перейти на положение "лояльной оппозиции" в подлинной, хотя еще только рождающейся, парламентарной системе.

Этот переход от однопартийной диктатуры к конституционному плюрализму не был ни быстрым, ни безболезненным. Ему предшествовали несколько месяцев беспорядочных и лихорадочных переговоров между правительством и поддерживаемой "Солидарностью" оппозицией, кульминацией которых стал "круглый стол" в феврале-апреле 1989 г. Оппозиция настаивала на возвращении "Солидарности" легального статуса и на признании правительством ее лидера Леха Валенсы партнером на переговорах. Поскольку ранее в течение длительного времени официальные средства массовой информации сбрасывали "Солидарность" со счетов как практически прекратившую существование организацию, проглотить такие условия партии, а особенно ее непримиримым аппаратчикам, известным в народе под именем железобетонных, было куда как нелегко. Все польские трудовые союзы (официально разрешенное профсоюзное объединение) тоже сопротивлялись этим требованиям, равно как и те партийные лидеры, которые, подобно первому секретарю ПОРП с июля 1989 г. Мечиславу

Раковскому, будучи "реформистами" в других отношениях, были непримиримыми противниками "Солидарности".

Враждебность Раковского к "Солидарности" восходила еще ко временам его жесткой конфронтации с ней в 1981 г., когда он представлял генерала Ярузельского в контактах с "Солидарностью" и оппозиционными кругами в целом. В сентябре 1988 г. Раковский был назначен председателем Советаминистров и взломка качества стал проводить политику, ориентированную по двум главным направлениям - он постарался незамедлительно придать новый импульс программе экономического обновления, загубленной его предшественником Збигневом Месснером, и одновременно сдержать растущую мощь оппозиции.¹

Обе эти попытки полностью провалились. Инфляция продолжала быстро возрастать, не прекращалось падение продуктивности, а от всяческих "заплаточных" решений вроде увеличения импорта потребительских товаров пришлось отказаться из-за недостатка конвертируемой валюты.²

Волны промышленных забастовок прокатились по стране в мае и в августе 1988 г., страна подходила к новому и, возможно, куда более опасному взрыву. Общественное недовольство резко подскочило в конце октября, когда правительство Раковского объявило о планах закрытия колыбели "Солидарности" - судостроительной верфи имени Ленина в Гданьске. Закрытие столь убыточного предприятия было вполне оправдано экономически и согласовывалось с защищаемыми Раковским рыночными принципами. Однако время объявления этого решения и выбор именно данного предприятия могли лишь подогреть раздражение общества. В этих условиях оттягивать начало "круглого стола" с участием правительства и оппозиции означало играть с огнем.

Собравшийся в конце декабря пленум ЦК ПОРП стал ареной жестоких споров между сторонниками проведения жесткого курса и прагматически настроенными "реформистами". В конечном итоге последние, поддерживавшие идею переговоров, одержали победу, но лишь после того как некоторые из них,

включая самого Ярузельского, пригрозили отставкой. Раковский, которому свойственна поистине кошачья гибкость, провозгласил, что настало время "взглянуть в лицо реальности" и прекратить "принимать желаемое за действительное". К этому он добавил еще пару фраз, которым предстояло аукнуться ему в будущем:

"Марксизм утверждает, что наилучшей является та система, которая превосходит прочие в создании условий для экономического прогресса. Либо социализм делается именно такой системой, способной удовлетворять политические стремления и повседневные потребности людей, особенно молодого поколения, либо он канет в историю как неудавшийся эксперимент".

Ярузельский в душе едва ли "реформатор". Но он решил заслужить известность у нынешнего и будущих поколений в качестве человека, предотвратившего братоубийственное кровопролитие. Поэтому он заявил о приверженности "надеждам трудящихся... на обретение политического представительства" и на "развитие нашей экономики и стабильность нашего государства". На вопрос, состоится ли его встреча с Валенсой, генерал вновь устремил свой взор в историю и кратко ответил, что «политик никогда не говорит "никогда"». Представления Ярузельского о поведении политика очевидным образом изменились со дней чрезвычайного положения.

II.

Решение Центрального комитета разрешить восстановление "Солидарности" было политическим порывом исключительной важности. По сути дела, партия тем самым открыла дверь к полному пересмотру всего своего прошлого. Участники круглого стола, пятьдесят восемь человек, в течение двух месяцев занимались двумя вопросами - анализом прошлых неудач и поисками возможных выходов.

Любое подробное исследование главной проблемы Польши

- постоянного распада ее экономики - выходит за рамки этой статьи.³ Скажу только, что с начала 1980-х годов и промышленное производство, и жизненный уровень населения неизменно были гораздо ниже отметок 1978 г. и что в 1989 г. инфляция выражалась уже трехзначными величинами. При различии во мнениях, почти все польские экономисты соглашались, что из этого тупика существовал лишь один выход: преобразование централизованной экономики в экономику рыночного типа и проведение таких крупномасштабных политических реформ как лишение власти укоренившегося административного и политического аппарата, ослабление цензуры, допущение свободы объединений и наделение представительных органов большей властью.

Ведущие польские экономисты с конца 1950-х годов предлагали ввести в той или иной форме "смешанную" экономику, но эти предложения неизменно отвергались аппаратом, страшившимся их политических последствий. Польша в этом отношении существенно отличалась от некоторых своих соседей. Янош Кадар, например, уже в 1968 г. почувствовал себя в достаточной безопасности для того, чтобы преодолеть сопротивление венгерской бюрократии и навязать ей некоторые рудиментарные экономические реформы наряду с определенной дозой политической либерализации, осуществлявшейся под лозунгом "кто не против нас, тот с нами". В Чехословакии во время "Пражской весны" 1968 г. даже некоторые консерваторы оказались восприимчивыми к идеям Оты Шика и других экономистов-сторонников "социалистического рынка".

Репрессии были одной стороной монеты, либерализация - другой: режимы, которые могли позволить себе использовать силу, были в состоянии и отказаться от ее применения.⁴ В Польше, однако же, все сменявшиеся друг за другом группировки правящей элиты страдали устойчивым комплексом слабости и недостатка легитимности, что в равной мере удерживало их как от беспардонных репрессий, так и от подлинной либерализации. Начиная с 1950-х годов, за каждой вспышкой недовольства следовала волна арестов и преследований, а затем обещания начать все с новой страницы. Эти заверения неизменно

нарушались, что открывало путь для очередного взрыва.

Чрезвычайное положение осуществлялось по этому же образцу. В январе 1982 г., едва месяц спустя после его введения, польский парламент одобрил программу экономических реформ. Освобожденные от повседневного контроля центральных министерств предприятия должны были впредь управляться на базе "независимости, самоуправления и самофинансирования". Однако режим обращал мало внимания на новое законодательство и на деле не ставил препоны еще большей централизации и бюрократическому беспорядку. Были проведены жесткие экономические меры, такие как 25%-ное сокращение ставок оплаты труда. Это позволило перераспределить экономические ресурсы и улучшить общую экономическую ситуацию. Но при этом реформа стала усыхать на корню.

Формально чрезвычайное положение было отменено в 1983 г., хотя при этом в польский уголовный кодекс были включены весьма репрессивные статьи. В сентябре 1986 г. Ярузельский объявил амнистию политическим заключенным. Правительство обещало упразднить любую "дискриминацию по убеждениям", ослабить цензуру и принять новые законы о выборах в "народные советы" (органы местной администрации), а со временем и о выборах в Сейм.

По большей части эти меры оказались ничего по существу не меняющим камуфляжем. Хотя цензура была ослаблена и мелкие пакости против деятелей оппозиции прекратились, попытки сформировать автономные организации сурово подавлялись. Правительство с помпой учредило "Социальный консультативный совет", официальной задачей которого было обсуждение наиболее неотложных проблем страны и выработка соответствующего законодательства. Однако этот орган, заседания которого были закрыты для печати и полномочия которого ограничивались обсуждениями и рекомендациями, оставался, по сути дела, всего лишь элитарным дискуссионным клубом с 56 членами. Тем временем экономика погружалась в пучину стагнации, и доверие к правительству падало.

Тогда Ярузельский выдвинул новую инициативу. В октябре

1987 г. он объявил референдум, чтобы выяснить, готово ли было население поддержать "всеобъемлющую правительственную программу радикального экономического оздоровления" и "демократизации политической жизни" - и если да, то какой ценой. Оздоровления экономики предполагалось достигнуть на "второй стадии экономических реформ", основные направления которых в июне были обнародованы для обсуждения. "Демократизация политической жизни" обещала замену паллиативных уступок крупномасштабными институциональными и структурными изменениями, такими как новые паспортные правила, гарантирующие свободный выезд за рубеж, закон о свободе ассоциаций и "демократическое" избирательное законодательство.

Однако же и эти обещания оказались слишком щедрыми по сравнению с действительностью. Выставленные на референдум вопросы были сформулированы столь широко, что правительство могло заявить об общественном одобрении всех направлений своей политики. Если не считать новых паспортных правил, никакие институциональные реформы не были проведены в жизнь. Что же касается нового избирательного закона о "народных советах", то его окончательная формулировка, принятая в декабре 1987 г., гарантировала подчинение советов местному партийному аппарату. (Это в действительности произошло после выборов весной 1988 г.) Правительство, как будто стремясь подтвердить репутацию глупого и неспособного вести дела, стало проводить политику "зарплат и цен", направленную на замораживание заработков и драматическое повышение цен на продовольствие, потребительские товары и энергию (уголь и электричество) - политику, прежде всего ударившую по наименее обеспеченным группам населения.

Результаты этой политики оказались именно такими, каких следовало ожидать: преобладающее ощущение отсутствия ее новизны, цинизм, открытые проявления недовольства, едкая критика подцензурной и независимой печати, забастовки (май и август 1988 г.), которые привели к падению меснеровского правительства "зарплат и цен", приходу к власти Раковского - и, наконец, к "круглому столу".

III.

Прежде чем обсуждать итоги "круглого стола" и прочие драматические события 1989 г., совершим короткий экскурс к ситуации с "Солидарностью" и польской политической оппозицией в целом.

31 августа 1980 г., сразу после подписания так называемого Гданьского соглашения, Валенса заявил ликующей толпе: "Мы добились самого для нас важного - права иметь независимые и самоуправляющиеся профсоюзы. В этом гарантия нашего будущего." Как показало это будущее, оба эти утверждения оправдались лишь отчасти. Когда под знаменами "Солидарности" собрались миллионы, этот союз тем самым превратился в национальное движение, бросившее поначалу неясный, а потом и открытый вызов всей экономической, политической и общественной системе Польши.⁵ Что же касается "гарантий", о которых говорил Валенса, то они исчезли как дым в ночь на 13 декабря 1981 г., когда Ярузельский отправил тысячи активистов "Солидарности" за решетку и колючую проволоку, положив тем самым конец очередному польскому "обновлению".

С тех пор и вплоть до сегодняшнего дня история "Солидарности" была и остается прежде всего поисками себя. В первые месяцы после введения чрезвычайного положения ее потрясенные лидеры утешали себя мыслью, что ее судьба в любом случае была predeterminedena: как бы себя ни вело ее руководство, была бы его политика более или менее осторожной, более или менее умиротворительной (или, напротив, неуступчивой), конец все равно был бы тем же самым.

Однако это допущение оставляло много вопросов. Почему движение было настолько застигнуто врасплох? Почему оно не подготовилось заранее, психологически или организационно, к акции Ярузельского? Как объяснить отказ столь многих из ее 9-10 млн. членов продолжить борьбу в подполье? Эти и иные подобные вопросы в конце концов привели к всеохватывающему обсуждению причин разгрома в декабре 1981 г., поведения самой "Солидарности" и ее противников в 1980-1981 гг. и тех уроков,

которые следовало извлечь на будущее.

Для некоторых участников дискуссий, таких как Адам Михник, сама слабость "Солидарности" была лишь отражением ее вящей силы и вящих достоинств. В эссе, написанном под арестом, в 1982 г., Михник всецело возлагал вину за неудачу "Солидарности" на "режим, который в течение 37 лет упражнялся в искусстве подавления". "Солидарность" обладала всеми достоинствами и всеми слабостями самой польской нации - нации, на 40 лет оторванной от опыта демократических институтов и политической культуры, нации, которую постоянно унижали и обманывали, нации, в одно и то же время осторожной и бесшабашной, которая превыше всего ценит честь, свободу и солидарность и зачастую видит в компромиссах лишь предательство и капитуляцию.⁸

Но большинство участников этих споров сознательно дистанцировали себя от подхода Михника, в котором, как и во многих других, было слишком много смакования "национальной мегаломании", стремления приписывать все польские беды и несчастья если не целиком, то преимущественно "внешним силам". По выражению одного писателя, отсюда недалеко до возрождения романтического мифа XIX века о Польше как о "совести Европы, мессии среди других наций".⁹

Невозможно отрицать гигантские достижения "Солидарности" и процветающих под ее защитой других групп. Однако многие авторы критически отмечали склонность этого движения к националистической символике и его безоглядному объединению с католической церковью. Другие упрекали "Солидарность" за излишнюю самоуверенность и политическую беззаботность, за выдвигание требований, которые власти даже при наличии самых лучших намерений не были в состоянии принять, за неспособность делать различия между твердокаменными членами ПОРП и сторонниками реформ - иначе говоря, между безусловными противниками и потенциальными союзниками. Еще одним источником критики была грубо антисоветская риторика "Солидарности", нередко перемежавшаяся традиционным антисемитизмом.

Один из советников "Солидарности" поставил под сомнение идею, что радикалы (или "фундаменталисты") среди членов союза просто уступали бурно развивавшейся радикализации массы его рядовых членов. Приводя данные собственных опросов "Солидарности", выполненных весной 1981 г., он показал, что эта "радикализация масс" на деле выражала институциональные интересы новой бюрократии - 30-45 тысяч платных функционеров союза, "отличных организаторов забастовки и прочих актов протеста, своего рода профессиональных революционеров".¹⁰ Он писал, что если бы "Солидарность" обуздала этих хорошо оплачиваемых "профессиональных революционеров" и приняла бы более постепенную стратегию, она могла бы предотвратить произошедшее в действительности. Эту точку зрения в той или иной форме разделяли многие.

IV.

В свете той роли, которая была предназначена "Солидарности" в 1989 г., уместно изучить влияние этой нередко безжалостной самокритики на последующую деятельность объединения. Итак, чем на деле оказалось наследие 1980-1981 гг.?

Очевидный - и важнейший - факт, что идея "обновления" укоренилась на польской земле. "Солидарность" выжила. Неясно, выжила ли она в качестве организации или даже довольно рыхлого движения, но не приходится сомневаться, что она выжила как символ широких национальных и политических стремлений и оппозиции коммунистической системе. Популярность "Солидарности" и членство в ней катастрофически упали к лету 1988 г. По сути дела, она сократилась до групп активистов и интеллектуальных благожелателей, так что с ней могли конкурировать все более многочисленные другие оппозиционные группы. Однако несмотря на эти трудности, поставленное вне закона профсоюзное объединение сохранило образ единственной силы, способной получить общественную поддержку для борьбы против режима. Когда режим в конце концов согласился на "диалог", единственным возможным партнером в этом диалоге оказалась как раз "Солидарность".

Выросшее влияние прагматиков, или умеренных, таких как нынешний премьер-министр Тадеуш Мазовецкий и лидер "Солидарности" в Сейме Бронислав Геремек, также проявилось в результате внутренних дебатов. Здесь сработали и другие факторы, такие как общественная усталость и растущее недовольство публики конфронтационной тактикой. Тем не менее, принятые умеренными политические ориентиры (никаких компромиссов по принципиальным вопросам, скажем, по поводу восстановления "Солидарности" и политической демократизации, и вместе с тем готовность идти на переговоры с режимом) отражали сознательно принятое решение избегать ошибок, обессиливавших объединение в прошлом.

Сегодняшняя "Солидарность" обладает международной репутацией защитницы умеренности и политического реализма, особенно в связи с ее отношением к Советскому Союзу. Решение Михаила Горбачева отказаться от доктрины Брежнева, вне всякого сомнения, ускорило кончину коммунизма и в Польше, и повсюду в Восточной Европе. Однако же в равной мере эта кончина была ускорена твердым решением "Солидарности" избегать разжигающей страсти антисоветской риторики и не ставить под сомнение "международные договоры" Польши, иначе говоря, Организацию Варшавского договора. Оправдала себя и репутация, приобретенная "Солидарностью" на Западе. В самом деле, именно моральная и экономическая поддержка Запада позволила правительству Мазовецкого прибегнуть к мерам жесткой экономии, которые не могло себе позволить ни одно коммунистическое правительство.

Кое-какие старые привычки все же не были забыты - например, тенденция отождествлять критиков с противниками, охарактеризованная в 1988 г. Станиславом Стоммой как зеркальное отражение "коммунистической идеологии". Другая такая привычка - высказываться не только от имени "Солидарности", тоже достаточно аморфной, но и от имени "общества" в целом. Манихейская готовность немедленно подвергать ostracismu всякого, кто хотя бы слабо связан с "красными" или только заподозренного в таких связях, были воспитаны опытом прошлых лет не в меньшей степени, нежели

поляризующим климатом периода чрезвычайного положения. Все это, к сожалению, доказывает, что нынешняя самокритика не всеми чистосердечно усвоена.

Сохранилась также сильная склонность к произволу, манипулированию и секретности. Благожелательный к "Солидарности" политолог Войцех Ламентович в эссе, опубликованном в октябре 1989 г. в выходящем в Париже польском эмигрантском ежемесячнике "Культура", назвал это предпочтением "корпоративистских" правил поведения "демократическим". Как пишет Ламентович, "либерально-демократический стиль никогда не имел прочных корней в польской политической культуре", в то время как корпоративность вырабатывалась "борьбой против тоталитаризма", "крайностями конфронтации" и "накопленным за столетия опытом католической церкви в проведении как раз этого стиля в политике". Одним из побочных продуктов корпоративности является культ лидера. Валенса взял за правило говорить о себе в третьем лице, например, "Лех Валенса ведет вас в правильном направлении" или даже "Лех Валенса принял правильное демократическое решение" (именно так!) - вряд ли это все соответствует провозглашаемым "Солидарностью" принципам открытости и плюрализма.

Да и тесный союз "Солидарности" с католической церковью отнюдь не ослабел. В стране, где католицизм полностью преобладает, такая близость не является ни удивительной, ни вредоносной - при условии, что обе стороны осознают и собственные институциональные интересы, и интересы партнера. Многие священники поддерживали оппозицию и морально, и материально во время действия закона о чрезвычайном положении и после его отмены. В течение нескольких лет костелы были единственными общественными местами, где настроенные против режима художники могли устраивать свои выставки, а драматурги ставить свои пьесы.

Однако церковь как целое, возглавляемая примасом Польши кардиналом Йожефом Глембом, совершенно ясно заявила о своих целях, включая оппозицию атеизму в школах, запрет на разводы и законодательство против абортот. Эти установки отнюдь

не всегда совпадали с идеями, поддерживаемыми "Солидарностью", а иногда были явно несовместимы с ними. Но при всем этом критика церкви все же не одобряется в "Солидарности". Открытая поддержка Глембом шовинистической Национально-демократической партии предвоенного периода и его неприкрытый антисемитизм не получили прямого осуждения со стороны официальных представителей "Солидарности", хотя они часто смущали Мазовецкого и других умеренных. Тем не менее «Еженедельник "Солидарности"», когда его главным редактором был еще сам Мазовецкий, отказался напечатать статью видного журналиста "Солидарности" Константина Геберта (Давид Варшавский), который резко критиковал антисемитские высказывания примаса.

V.

Таково непростое наследие прошлого, которое привнесли с собой представители "Солидарности", да и члены других групп (проправительственные Демократическая и Объединенная Крестьянская партии, Всепольские трудовые союзы, церковные ассоциации, поддерживавшие режим, и оппозиционно к нему настроенные мирские католические союзы), когда они все вместе уселись за круглый стол в феврале 1989 г.

Что касается оппозиции, то главной ее целью был институциональный политический плюрализм - экономические реформы должны были последовать после установления демократического механизма принятия решений. Правительство тоже исходило из приоритетности плюрализма, но только иначе определенного. Плюрализм для оппозиции означал власть, для режима же он был средством наделения оппозиции долей ответственности за потенциально непопулярные политические решения. Короче, разница в позициях сторон была весьма определенной: "разделение власти ради возможности реального участия в политике против разделения ответственности за ее результаты".¹⁰

Результаты двухмесячных переговоров, как они были формально представлены в подписанных 5 апреля соглашени-

ях, оказались противоречивыми.¹¹ Оппозиция добилась впечатляющей политической победы. "Солидарность", как и ее "сестринская" организация "Сельская солидарность", были легализованы, было достигнуто соглашение о разделении властных функций между тремя ветвями государственного управления. Законодательная ветвь (Национальное собрание) должна была отныне состоять из двух парламентских палат, Сейма и Сената. Исполнительная ветвь воплощалась в наделенном большими полномочиями президентстве, судебная же - в независимом Национальном совете правосудия, составленном из судей, совместно избираемых Верховным судом, Верховным административным судом и судами низшей инстанции. "Политическим ассоциациям" предстояло получение законного статуса, а польская католическая церковь могла отныне рассчитывать на беспрецедентный доступ к средствам массовой информации и ей гарантировалось право иметь собственные школы и самой управлять ими.

Созданный в соответствии с соглашениями Сенат был возрожденным к жизни институтом, уже существовавшим в Польше в 1919-1939 гг., но затем упраздненным послевоенным правительством после жульнически проведенного в 1946 г. референдума. Согласно условиям нынешнего соглашения, 100 членов Сената избирались прямым и равным голосованием, а в Сейме 65% мест были зарезервированы для ПОРП и ее союзников, по крайней мере, на первых выборах (следующие выборы, намеченные на 1992 г., будут полностью свободными). В итоге переговоров за "круглым столом" ПОРП лишилась монополии на власть. По сути дела это означало конец коммунистического правления.

Таким образом, политические достижения очевидны. Но экономической части принятого пакета реформ не доставало ясности и четкости в том - как выразился по этому поводу один наблюдатель - "как осуществить контроль над ценами, победить инфляцию, управиться с внешней задолженностью (около 40 млрд. долларов), и одновременно перевести экономику на рыночные рельсы".¹²

Этот обнаженный контраст между политическими и экономическими предписаниями соглашения объясняется несколькими факторами. Главным приоритетом для "Солидарности" было требование политической перестройки, что было с ее точки зрения необходимым условием всех прочих реформ. Отсутствии какого-либо согласованного плана экономических преобразований отражало наличие глубоких расхождений между экономическими советниками "Солидарности". Наконец, "Солидарность" желала обеспечить себе лояльность своих сторонников и сочувствующих в рабочей среде. Отсюда решение удовлетворить их ожидания, несмотря на ту нереалистическую цену, которую пришлось бы за это платить. Этот третий фактор отражал в концентрированной форме тот кризис самопонимания, от которого "Солидарности" все еще не удалось избавиться. Все сводилось к тому, как совместить пребывание в качестве выражающего интересы рабочих и служащих профессионального объединения и одновременно в качестве стремящейся к достижению власти политической партии. В конце концов, объединение стало именно партией, да еще и с фактической монополией на власть.

Намеченное в подписанных в апреле соглашениях было превзойдено уже через два месяца, когда выборы дали "Солидарности", кандидаты которой проводили предвыборные кампании под эгидой заново созданного "Гражданского комитета", полный контроль над Сенатом (99 мест из ста). Хотя ПОРП и ее союзники получили оговоренную для них долю мест в Сейме, почти никому из виднейших руководителей этих партий, включая тогдашнего премьер-министра Мечислава Раковского, не удалось стать депутатами - избиратели указали им на дверь. После долгих препирательств Национальное собрание все же выбрало на пост президента Ярузельского, большинством всего в один голос!

Далее события развивались с ошеломляющей быстротой. Объединенная Крестьянская партия и Демократическая партия, некогда смиренные "приводные ремни" ПОРП, внезапно вырвались на волю, превратив тем самым 65%-ное коммунистическое большинство в Сейме в фикцию. "Солидарность" же (или, точнее,

Гражданский комитет), не желая брать на себя ответственность за потенциально непопулярный политический курс, не приняла предложений коммунистов войти в "коалиционное правительство", возглавляемое ПОРП, но возникший в итоге тупик все же вынудил ее пойти на решительные действия.

24 августа 1989 г. Мазовецкий сделался премьер-министром. Когда двумя неделями позднее он объявил состав кабинета, ПОРП получила в нем портфели внутренних дел и обороны, в то время как меньшие партии, нынешние союзники "Солидарности", добились нескольких министерских мест. Поражение коммунистов было полным, и отныне им предстояло играть непривычную для них роль оппозиционной партии.

VI.

Триумф "Солидарности" выглядел столь же полным, сколь и разгром ее противников. Хотя без малого 40% корпуса избирателей воздержались от участия в голосовании, и хотя многие радикалы, как внутри "Солидарности", так и вовне, были взбешены тем, что они считали ее "капитуляцией перед красными" (согласие на избрание Ярузельского президентом и включение двух членов ПОРП в новое правительство), все же воздух был напоен эйфорией. Опросы общественного мнения показывали, что новая команда у власти, особенно лично Мазовецкий, пользовались широкой общественной поддержкой. Это обстоятельство, а также обещания западной помощи, давали правительству мандат на проведение курса быстрых и всеобъемлющих перемен.

Эта эйфория, однако, длилась недолго. Новое правительство, в дополнение к экономическому и экологическому кризисам, столкнулось с озадачивающим разнообразием социальных проблем. Сотни тысяч молодых людей, обескураженных перспективой в среднем двадцатилетнего стояния в очереди на получение квартиры и отчаявшихся за свое будущее, к тому времени уже эмигрировали из страны, и новые сотни тысяч готовы были последовать за ними. Система здравоохранения была в руинах. 80% сельскохозяйственных ферм, располагавших менее чем двумя гектарами земельных угодий, производили

мало и были обречены на нищету. Когда в начале сентября был упразднен контроль над ценами на продукты сельского хозяйства, крестьяне стали придерживать зерно и забивать скот, углубляя таким образом вражду между сельским и городским населением.

В самом деле, бьющая в глаза степень общественного неравенства стала одной из отличительных черт польского общества, номинально "эгалитарного". Сегодня 40% населения живут на грани нищеты, а 20% - за этой гранью. Именно эти "нижние классы" сильнее всего пострадали от результатов прыжка в пучину "рыночной экономики" (разрегулирование цен, замораживание заработной платы и тому подобные меры), который был очертя голову сделан Раковским. Напротив, многие члены номенклатуры смогли извлечь выгоды из нового законодательства (или, выражаясь точнее, из пробелов и дефектов уже существовавших законов) - они открыли собственные компании, обогащаясь за счет общественного сектора экономики и возбуждая массовое недовольство.

Трудности и лишения экономики дефицита способствовали общему падению нравов. Этому же способствовало и беспардонное лицемерие коммунистических владык с их длиннейшим списком невыполненных обещаний. По словам старейшины польских социологов Яна Щепаньского, все это привело к "разрушению общей системы ценностей, распаду моральных принципов... и, в свою очередь, к общественному хаосу, неспособности предпринять целенаправленные и эффективные действия, эгоизму и коррупции".¹³ Согласно одной еженедельной газете, большинство населения Польши разделяет веру в "примитивный эгалитаризм", иначе говоря, в теорию равных возможностей для всех, и именно поэтому общество столь сильно настроено против привилегий элиты. С другой стороны, когда-то находившаяся под подозрением "спекуляция" ныне пользуется общественным одобрением. Как сказал мне в октябре 1989 г. Томаш Ежиораньский, редактор престижного еженедельника "Жиче господарче", теперь "каждый готов стать ловким дельцом".

Несмотря на сильное экономическое и социальное на-

пряжение политическая жизнь расцвела. ПОРП, общественный престиж которой всегда был низким и которая растеряла бывших союзников, испытала сильнейший кризис совести. Ничего нового в этом нет - и в прошлом после каждой крупной неудачи партия неизменно создавала комиссию для оценки своих "ошибок и неудач". Итогом деятельности таких комиссий были доклады, на которые никто не обращал внимания.

На этот раз, однако, масштабы кризиса партии оказались совершенно беспрецедентными. Из нее вышли сотни тысяч членов, а многие оставшиеся действуют теперь на платформах, разработанных с целью превращения ПОРП в "подлинного представителя левых сил", в демократическую организацию, опирающуюся (как почти все подобные платформы теперь заявляют) на традиции и наследие предвоенной Польской социалистической партии. Более того, на съезде в январе 1990 г. ПОРП, подобно компартиям Венгрии, ГДР и Чехословакии, изменила свое имя.

Из других претендентов на традиции левых движений прежде всего надо назвать Всепольские трудовые союзы с их 7 млн. членов (для сравнения - в "Солидарности" состоят лишь 2 млн. человек). Эти профсоюзы претендуют на представительство законных интересов рабочих в их борьбе против любых "бюрократов", независимо от их идеологического происхождения. Вновь возникла Польская социалистическая партия, которая тут же раскололась на три фракции, причем две из них ультрарадикальные. Имеются также около семи групп, громко заявляющих себя наследниками предвоенной Крестьянской партии.

Возрождение старых партий и идеологий является естественным следствием фактического отсутствия настоящей политической жизни при коммунистическом господстве. У этого процесса есть внушающие опасения аспекты, скажем пролиферация политических сил, напоминающая ситуацию в Польше после первой мировой войны,¹⁴ и растущее влияние крайних правых, к которым относятся сторонники ничем не ограниченных экономических свобод, защитники идеи "твердой

руки" и приверженцы Национально-демократической партии.

Все эти группы объединяет едва замаскированный, а нередко и совершенно откровенный антисемитизм.¹⁵ Хотя число членов каждой из этих групп невелико, их влияние потенциально увеличивается одобрительным отношением к ним кардинала Глемба.¹⁶ Такие лидеры "Солидарности" как заместитель министра народного образования Вальтер Кулерский, с которым я говорил в прошлом октябре, обеспокоены союзом Глемба с крайними правыми, равно как и попытками добиться особых привилегий для церкви в сфере народного образования, на радио и телевидении. Другие, впрочем, настроены более оптимистически. Они надеются, что теперь, когда поляки уже не столь нуждаются в защите и поддержке церкви, ее влияние будет падать. Критики Глемба среди католиков рассчитывают, что либеральные силы в церковной иерархии со временем возобладают. Как бы то ни было, эта проблема все же отнюдь не снята с повестки дня.

VII.

Каким же образом новое правительство реагировало на все эти обескураживающие трудности? Позволяют ли имеющиеся на сегодня итоги его деятельности предположить, что Польша окончательно стала на путь выздоровления?

Нельзя не признать, что на счету новой команды уже имеется ряд успехов, особенно поразительных, если принять во внимание отсутствие у нее опыта в устройстве государственных дел. Как и ожидалось, первой заграничной поездкой Мазовецкого был визит в Ватикан, но вскоре он отправился в Москву, где был встречен тепло и благожелательно. Из двух еще нерешенных к тому времени взаимосвязанных проблем одна относилась к области экономики - задолженность Польши Советскому Союзу в размере 6 млрд. переводных рублей, другая - к сфере политико-исторической: это убийство нескольких тысяч польских офицеров в Катынском лесу неподалеку от Смоленска. Вряд ли можно сомневаться, что все они были уничтожены по приказу Сталина, однако члены совместной советско-польской комис-

сии историков по расследованию этого дела за два года работы так и не смогли подготовить окончательный доклад. Когда Мазовецкий был в Москве, он предложил заменить существующую комиссию двусторонней правительственной комиссией, настаивая при этом на неприемлемости для Польши сложившейся ситуации. (В апреле 1990 г. правительство СССР официально признало факт преднамеренного уничтожения сталинским режимом польских офицеров и извинилось за это перед польской стороной. - Примечание переводчика.)

Оказанный Мазовецкому в Москве любезный прием, однако, не шел ни в какое сравнение с бурными приветствиями, которых удостоился Лех Валенса в Западной Европе и особенно в ноябре 1989 г. в Соединенных Штатах. Главной целью Валенсы и его советников было получение значительной финансовой поддержки для Польши. У Польши есть хорошие шансы на получение в ближайшие 34 года примерно 8 млрд. долларов из 10 млрд., которые она просила (в кредитах, краткосрочных займах на "стабилизацию", долговременных займах и в виде уменьшения процентов по уже полученным займам). В свете печальных итогов начала 1970-х годов, когда режим Герека пустил на ветер огромные суммы, полученные от Запада, это следует считать отнюдь не рядовым достижением.

Заметен также прогресс в устройстве внутренних дел, скажем, в улучшении здравоохранения и обновления судебной системы. Хорошо работала новая законодательная власть. Однако правительственная команда должна была постоянно усваивать новые "уроки", например, преодолевать свою склонность считать поддержку "общества" чем-то само собой разумеющимся. Многие наблюдатели в Польше отметили, что итоги июньских выборов указывали на наличие в Польше значительного "молчаливого меньшинства", могущего при определенных обстоятельствах превратиться в не столь уж молчаливое большинство - скажем, в случае дальнейшего ухудшения уровня жизни. Подвижность польского общественного мнения стала притчей во языцех. Например, лишь пару лет назад опросы показывали, что популярность Валенсы ниже, чем у Ярузельского, и это может повториться.

Ко всему прочему происходит эрозия "Солидарности" как профессионального объединения - это один из аспектов ее "вечной проблемы" обретения себя. Чем является и чем следует быть "Солидарности" - профессиональным объединением, политической партией, национальным движением или же неким гибридом и того, и другого и третьего? Возможно, какой-то ответ на этот вопрос даст съезд "Солидарности", но нельзя заранее исключить возможность распада "Солидарности".

Проблемой из проблем для нынешней Польши является экономическая система страны и результаты ее функционирования. По мнению многих наблюдателей, именно экономика может угрожать выживанию нынешнего правительства. Обнародованная в конце 1989 г. экономическая программа основана на идеях гарвардского экономиста Джеффри Сакса, настаивающего на необходимости совершить быстрый "прыжок в рыночную экономику". Согласно Саксу, "при тщательной подготовке программы шоковой терапии она не должна привести к снижению жизненных стандартов". Разумеется, ее осуществление повлечет определенные "издержки", например, повышение темпа инфляции и временную безработицу, но они будут несравнимы с "быстрыми и очевидными приобретениями".¹⁷

Рекомендации Сакса были горячо одобрены многими активистами "Солидарности", в том числе Адамом Михником и Яцеком Куроном (нынешним министром труда) и рядом экономистов, многие из которых (скажем, главный автор программы экономических реформ, вице-премьер и министр финансов Лешек Балцерович) вышли из академических кругов и не имеют особых связей с "Солидарностью". Эта программа, представленная на рассмотрение Сейма, предусматривала снятие каких бы то ни было ограничений цен на все товары и услуги, упразднение всех субсидий, быстрое поэтапное закрытие всех неприбыльных предприятий, приватизацию правительственной собственности, внутреннюю конвертируемость польской валюты, строгий контроль за ростом заработной платы и безусловное следование тому принципу, что "чем меньше правительство вмешивается, тем лучше". Из этой программы вытекал неизбеж-

ный рост безработицы, затрагивающей не менее 30% всей рабочей силы страны. Несмотря на утверждения Сакса, безработица должна вызвать временное снижение уровня жизни на 10-60%.

Многие экономисты, включая таких видных сторонников "Солидарности" как депутат Рышард Бугай и профессор Ян Мужель, резко возражали против этой программы. Ее критиковали как неясную, нереалистичную, "утопическую". Один из критиков вопрошал: Кто должен начать и вести борьбу против инфляции - неужели органы рабочего самоуправления или профсоюзы? Мир не знает примеров, когда бы рабочие активно участвовали в освобождении предприятий от избыточной рабочей силы.¹⁸ По поводу утверждения Балцеровича, что правительство "не сделает ничего, что противоречило бы либеральной доктрине (т.е. развитой Чикагской школой), Мечислав Межчановский сетовал, что правительство ограничит свои функции "ролью сторожевой собаки, присматривающей за рыночной системой, и ролью распределителя помощи тем, кто не в состоянии приспособиться к этой системе": "Если эти слова обретут плоть, наше правительство стало бы первым во всемирной истории безусловным исполнителем этой доктрины. Все развитые страны, включая те, чьи правительства, как, например, в ФРГ, с почтением относятся к либеральным теориям этого рода, все-таки используют спектр механизмов правительственного вмешательства в сферы распределения ресурсов, инвестиций, технологического развития, распределения дохода, ценообразования, экспорта и импорта".¹⁹

В качестве главного аргумента критики указывали на огромную опасность социальных катаклизмов при предсказанном росте безработицы и падении уровня жизни.

Западные экономисты также выражали сомнения относительно этой программы, указывая на отсутствие каких-либо конкретных планов устройства "сети социальной безопасности" как на одно из наиболее бросающихся в глаза ее упущений. Программа фактически обходит молчанием все, что относится к содержанию, техническим способам и стоимости профессиональной переориентации, пособий и льгот по безработице и

т.п. и не уделяет внимания тому, что большинство экономистов считает одним из главных грехов польской экономики - избытию непомерно разросшихся государственных монополий, блокирующих самые решительные попытки внедрения рыночных механизмов. Они считают, что необходимо немедленно добиться монетарной стабильности, иначе говоря, устранить избыток денежной массы, но реформу цен, крупномасштабную приватизацию, ликвидацию убыточных предприятий и другие меры, способные возбудить широкое общественное недовольство и оппозицию, следует проводить помедленней.

Фактически программа рассчитывает "на один лишь кнут, не обещая никаких пряников", и не предусматривает непрерывного "диалога" с населением.²⁰ Преобразование централизованной командной системы в экономику рыночного типа столь же болезненно, сколь и необходимо. По мнению английского журнала "Экономист", "большинство поляков не осознает того, что на них в действительности надвигается".²¹ Особое беспокойство вызывает устойчивость "корпоративных", т.е. откровенно авторитарных, тенденций. Валенса, например, открыто призвал к наделению правительства "особыми чрезвычайными полномочиями", которые позволили бы ему проводить свой политический курс, не обсуждая его в Национальном собрании. До сих пор правительство Мазовецкого разумно отказывалось заходить так далеко. Как оно поведет себя в будущем, если и когда разразится социальная буря, пока остается только догадываться. Нельзя исключить частичный отход от наиболее тяжелых для населения пунктов этой программы. В действительности это как раз то, на что надеются многие польские экономисты и чиновники.

VIII.

Разумеется, процесс изменений в Польше развивается в контексте общего упадка коммунизма в Восточной Европе, и поэтому уместно сказать несколько слов о других странах этого региона.

Чехословацкие листовки и плакаты утверждают, что Польше

понадобились десять лет для свержения коммунистического режима, в то время как Восточной Германии хватило десяти недель, а Чехословакии десяти дней. Каждая страна шла собственным путем, исходя из собственных исторических прецедентов, политических традиций и конкретных обстоятельств. Тем не менее Польша снова оправдала репутацию страны, показывающей пример своим соседям.

Хотя непомерные проблемы Польши имеют много особенностей, все же в какой-то степени они свойственны соседним с ней странам. Серьезнейшие экономические трудности испытывает Венгрия. Проблемы того же рода существуют в Болгарии, Восточной Германии и Чехословакии, где они разве что несколько более поддаются контролю. В Румынии, которая присоединилась к восточноевропейской революции последней и является единственной страной региона, где этот процесс сопровождался насильственными акциями, экономическому краху сопутствует распад политических институтов. К тому же Румыния, в отличие от прочих стран региона, не имела действующей политической оппозиции, готовой выдвинуть лидеров и целостную политическую программу.

С давних времен в восточноевропейской политической культуре укоренились яростный национализм и ксенофобия, и эти ее черты представляют опасность для развития стабильного и подлинно демократического политического порядка. Приветствуя отход восточноевропейских стран от коммунизма и восхищаясь им, мы не должны закрывать глаза на некоторые нездоровые особенности этого региона.

Конец коммунизма в Восточной Европе, вероятно, окажет глубокое воздействие на Советский Союз. Советская империя от Прибалтики до Молдовы и Кавказа затоплена национальными движениями и движениями за отделение от СССР. Решение Горбачева не отправлять войска в Румынию в поддержку восстания против режима Чаушеску и формальный отказ Верховного Совета СССР от "доктрины Брежнева" вызывают сомнения, что Горбачев сможет использовать силу для подавления национальных движений внутри Советского Союза.

Нет сомнения, что стремление к отделению будет возрастать.

Молдова, например, может избрать какую-то форму ассоциации с новой демократической Румынией, что было бы мощнейшим вызовом политическому искусству и даже самой власти Горбачева - архитектора перестройки и человека, которому Восточная Европа более чем кому бы то ни было еще обязана тем, что эпоха коммунизма там закончилась.

Что можно сказать в заключение о роли Запада и особенно Соединенных Штатов в этом регионе? Западноевропейские страны заявили, что поддерживают революции в Восточной Европе, да и Соединенные Штаты, избавившись, наконец, от синдрома "империи зла", демонстрируют понимание перемен в СССР и в бывшем "социалистическом блоке" и симпатию к этим переменам. Демократия пришла в Восточную Европу без какого-либо внешнего вмешательства, фактически без какой-либо помощи со стороны Запада. Но тщательно разработанная программа западной помощи может быть весьма полезной для формирования будущего посткоммунистического мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правительство Збигнева Меоснера вышло в отставку в сентябре 1988 г. после беспрецедентной атаки на его экономическую политику со стороны прессы и депутатов Сейма.

² См. "Toward De-etatization and Democracy: The Challenge of the 'Round Table' Agreement", by Bartolomiej Kaminski, в: "Pressures for Reform in the East European Economies", vol. 2, Joint Economic Committee, Congress of the United States, Oct. 27, 1989.

³ См., кроме прочего, John P. Hardt and Jean F. Boone, "Poland's Renewal and U.S. Options", Congressional Research Service, Washington D.C., June 1987; "The Economic System and Forms of Government Controls in Poland in the 1980's" by Bartolomiej Kaminski; "Poland: the Anatomy of Stagnation" by Zbigniew Fallenbuchl. Обе эти работы опубликованы в "Pressures for Reform", op. cit. (прим.2), стр. 84-102, 102-137.

⁴ Часто забывают, что чрезвычайное положение, введенное Кадаром в 1956 г., оставалось в силе пять лет, и в течение этого времени по меньшей мере 2 тыс. человек были казнены и, возможно, не менее 20 тыс. арестованы. Напротив, в Польше чрезвычайное положение не продлилось и трех лет, несмотря на все свои строгости, унесло немного жизней. С другой стороны, Кадар начал делать серьезные политические уступки в 1962 г., в то время как Ярузельский до 1986-1987 гг. отнюдь не проявлял желания ослабить свою хватку.

⁵ Это было в высшей степени наглядно продемонстрировано всеобъемлющей программой, принятой "Солидарностью" на ее съезде в октябре 1981 г.

⁶ См. "Poland Watch", Washington, D.C., No 1, 1982, pp. 92-101.

⁷ "Krotka Historia Solidarnosci" («Краткая история "Солидарности"»).

⁸ Tadeusz Kowalik. *Between Agreement and Conflict. Poland, 1980-1981*. Цитируется по тексту, предоставленному в мое распоряжение автором. Эта статья была опубликована в неподцензурном журнале в 1987 г.

⁹ В октябре 1989 г. Валенса произвольно уволил редактора «Еженедельника "Солидарности"», назначив на этот пост одного из своих людей, что вызвало уход в отставку всего редакционного совета. Как сказал мне пресс-секретарь Геремека, это было "подлинной катастрофой" (интервью 21 октября). См. "Tygodnik Solidarnosc - opis konfliktu". - "Gazeta Wyborcza", 4 октября 1989 г.

¹⁰ John P. Hardt, Jean F. Boont. *Poland's Roundtable and U.S. Options*. - Congressional Research Service, Library of Congress, June 1989, p. 14.

¹¹ Детальные оценки см.: Kaminski. *Toward De-etatization and Democracy*. Op. cit. и Hardt and Boone, *Poland's Roundtable and U.S. Options*, op. cit.

¹² Kaminski, op. cit. p. 14.

¹³ Nauka a aktualne problemy Polski - doswiadczenia i perspektywy (Наука и текущие проблемы Польши: опыт и перспективы), в *Nauka Polska*, Варшава, май-июнь 1989 г.

¹⁴ В 1925 г. в Польше насчитывалось 92 зарегистрированных политических партии. См. Antony Polonsky, *Politics in Independent Poland, 1921-1939*. Oxford. Oxford University Press, 1972, p. 52.

¹⁵ Например, Януш Корвин Микке, возглавляющий Союз за реалистическую политику, недавно обвинил "левую еврейскую интеллигенцию" в "вовлечении Польши в войну с Гитлером" ("Tygodnik Demokratyczny", Варшава, 17 сентября 1989 г.). В другом месте Корвин Микке воззвал к пришествию "генерала, который даст стране порядок", если она будет продолжать двигаться к "анархии и хаосу" ("Odglosy", Варшава, 1 октября 1989 г.) - призыв, поддержанный одним из ведущих польских журналистов Стефаном Киселевским ("Gazeta Wyborcza", 15 октября 1989 г.). Недавно секретарь нового "Польского национального движения"

заявил: "Через 10 лет за людьми с моими взглядами будут охотиться, а через 20 еврейские хозяева Польши будут их пытаться и вешать" ("Rondo", Варшава, 29 октября 1989 г.). Сегодня в Польше насчитывается около 7 тыс. евреев.

¹⁶ По Глембу, свобода совести и религии является "стандартным лозунгом социалистических государств, который служит для борьбы против религии". Согласно аргументам Глемба, если этот лозунг провести в жизнь, то тем самым будет санкционирована деятельность таких "неприемлемых" групп, как Свидетели Иеговы, восточные культы и сатанисты. ("Kultura", Париж, № 7-8, 1989, стр. 171).

¹⁷ "Gazeta Wyborcza", 28 августа 1989.

¹⁸ Pawl Bozyk. *Cudu Nie Bedzie* ("Чуда не будет"), - *Polityka*, 16.XII.1989.

¹⁹ *I Have Serious Doubts* - *Polityka*, 4.XI.1989.

²⁰ Так считает Джон Хардт, старший специалист по экономикам советского типа в Библиотеке Конгресса и автор многих работ по польской экономике. Я благодарен ему за содействие в написании этого раздела статьи.

²¹ *The Economist*, 23.XII.1989, p. 25.